

1

Суббота, 1 октября

Могила

Вы никогда не задумывались, сколько понадобится времени, чтобы вырыть могилу? Можете больше не гадать. На это уходит вечность. Сколько бы вы ни представили, смело умножьте этот срок на два.

Я уверена, вы видели подобное в фильмах: герой (вполне возможно, с приставленным к затылку пистолетом) потеет и кричит, все глубже вкапываясь в землю, пока не оказывается в собственноручно вырытой могиле. Или парочка незадачливых преступников, не прекращая спорить и препираться, бесшабашно и хаотично машет лопатами так, что комья земли взлетают в воздух с мультяшной легкостью.

На самом деле все совсем иначе. Рыть могилу нелегко. Земля плотная, тяжелая и поддается с трудом. Это чертовски утомительно.

И скучно. И долго. И никуда от этого не деться.

Стресс, адреналин, отчаянная животная потребность *сделать это* поддерживают вас примерно минут двадцать. А потом вы ломаетесь.

Мышцы конечностей словно испаряются, и кожа прилипает к костям, а кости к коже. Сердце болит, отходя от адреналинового шока, уровень сахара в крови падает, вы как будто врезаетесь в стену. Всем телом, с разгона. И при этом с кристальной ясностью осознаете, что как бы вы себя ни чувствовали, как бы ни были измотаны, а яму выкопать придется.

И тогда вы переключаете передачу. Наступает середина марафона, когда новизна уже выветрилась и остается лишь дойти до финиша этого проклятого забега. Вы вложились, вы инвестировали все, что имели. Вы сказали всем своим друзьям, что сделаете это, заставили их внести пожертвования в ту или иную благотворительную организацию, с которой вы только косвенным и случайным образом связаны. И они с виноватым видом пообещали внести больше денег, чем хотели пожертвовать изначально, чувствуя себя обязанными из-за какой-нибудь велосипедной прогулки или чего-то подобного, вместе пережитого в университете, подробностями чего они утомляют вас всякий раз, когда напьются. Я все еще говорю о марафоне, следите за ходом моей мысли. Потому что затем вы каждое утро в одиночку выходите на пробежку, и ваши лодыжки ноют от усталости, в наушниках пульсирует музыка, вы преодолеваете милю за милей — ради этого. Ради того чтобы сразиться с собой, с собственным телом, именно там, в тот самый решающий момент, и посмотреть, кто победит. И никто, кроме вас, не видит этой битвы. И всем, кроме вас, на нее наплевать. Потому что только вы, лично вы пытаетесь выжить. Вот на что это похоже, когда вы роете могилу, — на ощущение, будто музыка смолкла, но нельзя перестать танцевать. Потому что, если вы перестанете танцевать, вы умрете.

Так что вы продолжаете копать. Продолжаете потому, что альтернатива этому куда хуже, чем рытье проклятой бездонной дыры в твердой спрессованной земле при помощи лопаты, найденной в сарае какого-то старика.

Вы копаете дальше, и перед глазами у вас проплывают цветные пятна: это фосфены, вызванные метаболической стимуляцией зрительных нейронов коры головного мозга низким уровнем кислорода и сахара в крови. В ушах шумит: из-за обезвоживания и перенапряжения упало артериальное давление. Но мысли? Мысли скользят по спокойному озеру сознания, лишь мельком тревожа водную гладь. И уплывают прежде, чем вам удастся их уловить. Разум абсолютно чист. Центральная нервная система воспринимает эту перегрузку как ситуацию «бей или беги» и реагирует соответственно, как любят писать в спортивных журналах, «выработкой эндорфинов в ходе физических упражнений»,

что одновременно тормозит мыслительный процесс и защищает мозг от приступов боли и стресса, вызванных вашим занятием.

Измотать себя — прекрасный способ уравновесить свои эмоции. Бегом на марафонские дистанции или рытьем могил.

Примерно через сорок пять минут я решаю, что глубины в метр восемьдесят для этой могилы мне достичь не удастся. Я не сумею добиться положенных шести футов. Мой рост — сто семьдесят сантиметров. Как же я потом выберусь из нее? Я же в буквальном смысле сама себя закопаю.

По данным аналитической компании *YouGov*, сто семьдесят сантиметров — это идеальный рост для жительницы Британии. Как выяснилось, британцы хотели бы видеть рядом спутниц именно такого роста. Так что мне повезло. И Марку. Боже, как жаль, что Марка со мной нет.

Ладно, если я не смогу вырыть могилу глубиной в шесть футов, то какую тогда смогу? Какой глубины мне хватит?

Тела чаще всего находят из-за небрежного захоронения. Я не хочу, чтобы это произошло в данном случае. Совсем не хочу. Я стремлюсь к прямо противоположному результату. А небрежные захоронения, как, в принципе, и все небрежное, являются следствием трех пунктов:

- Недостатка времени;
- Недостатка инициативы;
- Недостатка усердия.

Что касается времени: на эту работу у меня есть от трех до шести часов. Три часа — это по моим скромным подсчетам. Шесть часов — до конца светового дня. То есть времени достаточно.

Инициатива, как я считаю, тоже есть: два мозга лучше, чем один. Надеюсь. Нужно лишь все тщательно осуществить, шаг за шагом.

И пункт третий: усердие. Боже, уж его мне хватает! С лихвой. Я никогда в жизни ни над чем так усердно не трудилась.

Девяносто два сантиметра — минимальная глубина, рекомендованная ИРПК (Институтом регулирования погребений и кремации). Я знаю это, потому что изучала вопрос в интернете. Обратилась к «Гуглу», прежде чем взяться за лопату. Видите —

инициатива. Усердие. Я сидела на корточках рядом с телом, вдавливая прелые листья в грязь, и искала в «Гугле», как это тело похоронить. Зайдя в браузер с одноразового телефона мертвеца. Если найдут тело... *тело не найдут* ... и сумеют восстановить данные... *никто не восстановит данные*... то история поисковых запросов станет для кого-то захватывающим чтивом.

Спустя два часа я прекращаю копать. Яма теперь чуть больше трех футов глубиной. У меня нет рулетки, но я помню, что три фута — это примерно высота моего паха. Высота самого высокого прыжка, который мне удалось совершить во время отдыха в конно-спортивном лагере, перед отъездом в университет, двенадцать лет назад. Эту путевку мне подарили на восемнадцатилетие. Странные вещи порой застревают в памяти, верно? И вот, стоя по пояс в могиле, я вспоминаю конно-спортивные состязания. К слову, я получила второе место. И очень этому радовалась.

Ладно, так или иначе, я вырыла яму глубиной примерно в три фута, шириной в два фута и длиной в шесть. Да, на это ушло два часа.

Напоминаю: копать могилу *очень* тяжело.

Чтобы вам было проще представить: размеры этой ямы, возникшей после двух часов труда, 3 x 2 x 6 футов, а это 36 кубических футов земли, то есть кубический метр земли, то есть 1,5 тонны земли. И это вес легкового хэтчбека, или взрослого китабелухи, или среднего гиппопотама. Вот что я — в земляном эквиваленте — переместила выше и чуть левее изначального положения. При этом могила вышла глубиной всего в три фута.

Я оглядываю груды земли и медленно выбираюсь наверх; предплечья дрожат, когда я опираюсь на них. Тело лежит напротив меня под порванным брезентом палатки, яркий кобальт которого резко выделяется на фоне коричневой лесной подстилки. Палатку я нашла, ее кто-то бросил, она свисала с ветки, как вуаль, неподалеку от стоянки, и ей составлял компанию брошенный же холодильник. Маленькая дверца морозилки тихо поскрипывала на ветру. Всеми забытая.

Есть что-то очень печальное в выброшенных вещах, правда? Разрушение. Но и своя красота. В некотором смысле я здесь для того, чтобы выбросить тело.

Холодильник простоял тут довольно долго — я знаю это, потому что видела его из окна машины, когда мы проезжали мимо три месяца назад, и до сих пор никто его не забрал. Тогда мы с Марком возвращались в Лондон из Норфолка, отпраздновав нашу годовщину, и вот, несколько месяцев спустя, холодильник все еще стоит здесь. Странно думать о том, что с нами, со мной столько всего произошло, а это место совсем не изменилось. Словно выпало из времени и стало зоной ожидания. Чем-то оно ее напоминает. Возможно, тут и не было никого с тех пор, как хозяин холодильника оставил свои вещи, и только Богу известно, как давно это произошло. Сам холодильник явно родом из семидесятых — ну, знаете, в том угловатом стиле. Квадратно-кубическом. Монолит на фоне сырого английского леса. Устаревший. Он простоял здесь как минимум три месяца, и никто его не забрал даже на свалку. Потому что сюда явно никто не ходит. Кроме нас. Ни муниципальные служащие, ни недовольные местные жители, которые могли бы написать жалобы в муниципалитет, ни собачники, которые рано утром могли бы наткнуться на мои раскопки. Это самое безопасное место из всех, которые мне известны. Поэтому мы здесь. Пройдет много времени, прежде чем земля осядет. Но я думаю, что у нас с холодильником времени будет достаточно.

Я оглядываю его — холмик под скомканной палаткой. Холмик из мышц, кожи, костей, зубов. Из плоти, мертвой уже три с половиной часа.

Я думаю о том, не теплый ли он до сих пор. Мой муж. Не теплый ли он на ощупь? Я вбиваю в поисковую строку этот вопрос. Потому что не хочу, чтобы ответ стал для меня шоком.

Ладно.

Ладно, руки и ноги должны быть уже холодными, но само тело может до сих пор сохранять тепло. Хорошо.

Я делаю глубокий вдох и выдох. Итак, пора...

Я останавливаюсь. Стоп.

Не знаю зачем, но я удаляю историю поиска в телефоне. Это бессмысленно, я знаю, телефон невозможно отследить, а пролежав несколько часов в сырой октябрьской земле, он перестанет работать. Но вдруг не перестанет? Я кладу телефон обратно в карман его плаща и достаю из нагрудного кармана его личный айфон. Он в режиме полета.

Я просматриваю галерею фотографий. Наших с ним фото. Слезы наворачиваются мне на глаза, а потом двумя горячими ручейками стекают по лицу.

Я убираю остатки палатки, открывая то, что под ней пряталось. Вытираю с телефона отпечатки пальцев, возвращаю телефон во все еще теплый нагрудный карман и готовлюсь перетаскивать ношу.

Я вовсе не плохой человек. Или плохой. Может быть, вы сможете решить?

Но я определенно должна все объяснить. А чтобы объяснить, мне придется вернуться назад. На три месяца назад, ко дню нашей годовщины.

2

Пятница, 8 июля

Утро годовщины

Мы проснулись до рассвета. Мы с Марком. Это утро нашего праздника. Годовщина того дня, когда мы с ним познакомились.

Мы остановились в бутик-отеле с пабом на морском берегу в Норфолке. Марк нашел его в приложении к «Файненшл таймс» под названием «Как потратить деньги». Он оплатил подписку на журнал, но времени ему хватает только на чтение приложений. Впрочем, «ФТ» не соврал, это действительно оказалось «уютное загородное гнездышко вашей мечты». И я рада, что мы выбрали именно этот способ «потратить деньги». Конечно, строго говоря, это пока не мои деньги, но, полагаю, они скоро таковыми станут.

Отель и вправду оказался идеальным уютным гнездышком, со свежими морепродуктами, холодным пивом и кашемировыми пледами. «Челси-у-моря», как называли его в путеводителях.

Последние три дня мы гуляли до тех пор, пока мышцы не начинали гудеть, а щеки — гореть от английского солнца и ветра. Наши волосы пахли лесом и солью моря. Прогулки, потом секс, душ, еда. Просто рай.

Отель был построен в 1651 году как постоянный двор для работников таможни, останавливавшихся здесь на своем нелегком пути в Лондон, и примерно с тех пор хвастался тем, что знаменитый уроженец Норфолка, победитель Трафальгарского сражения вице-адмирал Горацио Нельсон был его постоянным посетителем. Он останавливался в номере 5, напротив нашего, каждую субботу и читал там депеши все пять лет, пока был отлучен от флота. А я-то всегда думала, что, однажды попав в военно-морской флот, человек в нем остается навсегда. И вот, пожалуйста. Такое случается даже с лучшими из нас. Но, так или иначе, за прошедшие годы и аукционы по продаже скота, и выездные сессии судов, и фестивали имени Джейн Остин со всеми их радостями проводились именно в этом отеле.

Книга на кофейном столике в нашем номере с восторгом сообщала, что предварительные слушания по делу печально известных бернемских убийц проходили в том, что теперь стало приватной столовой на первом этаже. Я засомневалась насчет того, насколько эти убийцы «известные», печально или нет. Ведь я о них определенно ничего не слышала. Поэтому стала читать дальше.

История началась в 1835 году с того, что жену сапожника вдруг стало ужасно тошнить прямо во время семейного обеда, на глазах у ее мужа. Миссис Тейлор, которую стошнило, как оказалось, была отравлена мышьяком. В кладовой кто-то подмешал мышьяк в муку, и его следы позже были обнаружены при вскрытии в тканях желудка умершей. Расследование же показало, что у мистера Тейлора был роман с их соседкой, некой миссис Фэнни Биллинг. И Фэнни Биллинг недавно приобрела в местной аптеке мышьяка на три пенни. Этот мышьяк оказался в мешке с мукой в доме Тейлоров, откуда впоследствии попал

в клетки, оборвавшие жизнь миссис Тейлор. Судя по всему, мистер Тейлор в тот вечер от клеток отказался. Возможно, мистер Тейлор придерживался безуглеводной диеты.

Как показал в ходе расследования еще один сосед, некая миссис Кэтрин Фрэри в тот день побывала в доме Тейлоров, и люди слышали, как она потом говорила Фэнни: «Стой на своем, и нам ничего не сделают».

После чего выяснилось, что муж и ребенок Кэтрин так же внезапно умерли за две недели до случившегося.

Тут заподозрили злой умысел. Желудки мужа и ребенка Кэтрин отправили в Норвич, где анализ подтвердил наличие в них мышьяка. Свидетель в доме Тейлоров заявил, что он видел, как Кэтрин навещала больную миссис Тейлор после того, как ту стошнило, и видел также, как она добавляла белый порошок «на кончике ножа из бумажного пакета» в жидкую кашу для больной, чтобы отравить ее во второй раз. И теперь уже смертельно. Неделей ранее две женщины тем же способом отравили невестку Кэтрин.

Кэтрин и Фэнни были повешены в Норвиче за тяжкое убийство своих мужей, а также миссис Тейлор, ребенка Кэтрин и ее же невестки. Согласно «Еженедельному вестнику Найлса», 17 октября 1835 года преступницы «отправились в вечность на глазах огромной толпы (двадцати или тридцати тысяч) зрителей, более половины из которых были женщинами». *Отправились в вечность.* Какой высокопарный слог!

Странно только, что историю «бернемских убийц» включили в информационный буклет гостиницы, учитывая то, для кого предназначены такие отели выходного дня.

Будильник срабатывает в половине пятого утра, и мы просыпаемся в теплом гнездышке из пуховой перины и простыней египетского хлопка. Молча натягиваем одежду, приготовленную еще с вечера: тонкие хлопчатобумажные футболки, ботинки для прогулок, джинсы, шерстяные свитера, которые пригодятся, пока солнце еще не взошло. Я готовлю нам кофе в маленькой кофе-машине, пока Марк причесывается в ванной. Марк не тщеславен ни по каким стандартам, но, как и большинство муж-